

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ОБЩИЙ КРИЗИС НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Л.И. Распутная
(Россия, г. Владивосток)

Каспийский мегаполис – это регион, где присутствуют политические, военно-стратегические интересы многих государств. Говоря об особом статусе Каспия среди существующих угроз стабильности и безопасности, необходимо отметить карабахский конфликт, напряженные ситуации в Абхазии, Осетии, Чечне, Центральной Азии. Кроме того, к Каспийскому бассейну близко расположены конфликтные зоны или же потенциальные источники конфликтов. Например, ядерная проблема того же Ирана в любое время может вызвать начало нового конфликта в регионе¹.

Иран крайне болезненно реагирует на малейшие попытки милитаризации Каспия. Размещение американцев в акватории Каспийского моря может сыграть роль фитиля в пороховой бочке. Появление в местных водах американцев станет решающим фактором активизации тлеющего конфликта. Необходимо также учитывать, что иранским ученым удалось обогатить уран до уровня 4,8 % для топлива атомных электростанций. Мировое сообщество, кстати, прежде всего – Соединенные Штаты, выражают опасение, что Иран может получить уран для создания атомного оружия в течение ближайших лет, если нынешние темпы научных изысканий сохранятся.

Аналогичная ситуация наблюдается и на Дальнем Востоке, где источником потенциальной угрозы является Северная Корея. Силы мира, все те, кто заинтересован в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове, продолжают борьбу за безъядерную Корею. Как известно, в начале октября 2006 г. Пхеньян провел испытание ракет дальнего радиуса действия с ядерными боеголовками. Испытания вызвали резкую критику со стороны мирового сообщества. Северная Корея, со своей стороны, утверждает, что оружие массового уничтожения необходимо, чтобы обезопасить страну от возможного вторжения. В этой ситуации под эгидой различных международных, региональных и национальных организаций на всех континентах проводятся сотни манифестаций, шествий, конференций и других мирных акций против распространения ядерного оружия. Пока они малоэффективны, но сам факт их проведения напоминает мировой общественности о последствиях ядерной угрозы, и не только со стороны КНДР.

В связи с событиями на Корейском полуострове, а также жесткой и безответственной политикой Ирана в ядерной области в последние годы резко обострился **общий кризис нераспространения ядерного оружия в мире**. Каковы параметры и пути преодоления кризиса нераспространения? Какова роль России в этом вопросе?

Кризис нераспространения проявляется прежде всего в том, что действующие международные нормы и механизмы оказываются не в состоянии предотвратить распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также средств их доставки. Оснований для ожидания преодоления кризиса в ближайшее время нет. Пересмотр норм и механизмов нераспространения в сторону ужесточения сталкивается с серьезными трудностями.

Так, безрезультатно закончилась ядерная конференция в Нью-Йорке под эгидой ООН в августе 2005 г. Делегаты этой конференции по пересмотру Договора о нераспространении ядерного оружия так и не смогли прийти к соглашению о том, каким образом можно укрепить позиции этого документа. Политические и процедурные дразги не позволили делегатам сосредоточиться на основной проблеме. До вступления в силу Договора по нераспространению ядерного оружия в марте 1970 г. высказывались опасения, что уже в скором времени в ядерный клуб, традиционными чле-

нами которого считались СССР, США, Великобритания, Франция и Китай, могут вступить еще, по меньшей мере, два десятка стран.

Договор, или режим нераспространения, как его еще называют, стал важнейшим элементом системы, построенной с целью недопущения такого развития событий. Цель участников конференции в Нью-Йорке состояла в том, чтобы подкрепить документ положениями, которые позволили бы ему оставаться столь же эффективным и в будущем, но этого не случилось. На конференции высказывалось немало интересных идей – от укрепления мер предосторожности и активизации инспекций подозрительных объектов до ужесточения мер против стран, которые могут использовать Договор с целью обретения ядерных технологий, а затем просто выйти из него, чтобы без помех заниматься созданием собственных ядерных арсеналов.

Переговоры в Нью-Йорке продолжались четыре недели, две из которых были потрачены исключительно на процедурные согласования, однако компромисса в результате так и не было достигнуто. Споры по процедурным вопросам на конференции зачастую становились лишь дымовой завесой, за которой скрывались разногласия по существу. Сторонники ужесточения контроля над вооружениями отмечали, что на конференции американская делегация сфокусировалась исключительно на вопросах распространения и совершенно не желала уступать какие бы то ни было позиции по вопросам разоружения. Позиции представителей Ирана и Египта (хотя и по разным мотивам) тоже сыграли свою негативную роль. Однако многие эксперты все же делают упор на взглядах администрации Дж. Буша, подчеркивая, что американское руководство могло, если бы хотело, нащупать фарватер на этом мелководе противоречий. Но все получилось иначе, и «ядерная» конференция ООН завершилась ничем².

Северокорейский режим оказался способным обмануть мировое сообщество и под прикрытием договоренностей с США, достигнутых в 1994 г., вплотную приблизиться к созданию ядерного оружия или даже создать его. Более того, в последние годы Пхеньян не раз открыто признавал, что нарушает свои обязательства об отказе от создания ядерного оружия. Это требовало от международного сообщества немедленных и решительных действий: экстренного заседания Совета Безопасности ООН, принятия жесткой резолюции, возможно, введения жестких санкций и т.п. Однако ничего подобного до последнего времени не происходило. Было принято лишь решение заморозить поставки нефтепродуктов в Северную Корею, которые осуществлялись для компенсации КНДР энергетических потерь, связанных с остановкой ядерного реактора и прекращением строительства новых реакторов. Это был максимум того, на что тогда пошли США, Япония и Южная Корея в ответ на демонстративное заявление КНДР о планах создания ядерного оружия. Только в октябре 2006 г. Совет Безопасности ООН по требованию США и Японии ввел серьезные экономические и транспортные санкции против КНДР.

Появились убедительные свидетельства военных ядерных амбиций Тегерана, но МАГАТЭ не смогло найти в действиях Ирана нарушений Договора о нераспространении ядерного оружия. Между тем для Ирана и Турции после распада СССР открылась возможность укрепить свои позиции и утвердиться в качестве доминирующего лидера в Каспийском регионе. Москва же не желает терять этот регион, рассматриваемый ею в качестве зоны своих стратегических интересов. В условиях ослабления геополитического поля России США преследуют цель расширить свое присутствие в регионе. Очевидно, что здесь созданы предпосылки для конфликтов, возможно и вооруженных, поэтому сегодня этим странам необходимо найти механизмы обеспечения безопасности Каспийского региона. Что касается Ирана, то его военные силы в регионе самые боеспособные после России, и останавливаться на этом он не собирается.

Между тем, кроме разговоров, никакие санкции со стороны ООН в отношении Ирана вплоть до 2006 г. не вводились. И даже введенные летом 2006 г. некоторые экономические санкции против этой страны не заставили ее приостановить ядерную программу.

Другой компонент кризиса нераспространения состоит в том, что экстремистские режимы и движения все чаще обращаются к мысли о том, что обретение ядер-

ного оружия может существенно укрепить их позиции в новой глобальной стратегической ситуации. Это оружие рассматривается ими как эффективный инструмент нейтрализации военного или военно-технического превосходства противной стороны. В итоге – распространение оружия массового уничтожения получает дополнительный стимул, а конфликт между развитыми демократиями и экстремистскими режимами может обрести ядерную компоненту. Это крайне опасная перспектива, поскольку в таком конфликте взаимное гарантированное уничтожение друг друга возникнуть не может, и обе стороны будут, скорее всего, ориентироваться на использование ядерного оружия первыми.

Преодоление усиливающегося дестабилизирующего воздействия на мировую политику распространения ядерного оружия требует, чтобы были согласованы правовые рамки и политические принципы применения силы против опасных режимов и террористических группировок, стремящихся к обретению оружия массового уничтожения. В частности, важно было бы продумать механизм автоматического применения санкций против государств, уличенных в нарушении режимов нераспространения. Кроме того, необходимо выработать порядок эскалации санкций, а также утвердить присоединение к Дополнительному протоколу в качестве обязательного элемента режима нераспространения ядерного оружия.

Практическую роль в снижении угрозы распространения оружия массового уничтожения могло сыграть осуществление выдвинутой США в 2003 г. инициативы по безопасности в области распространения. Такая инициатива предусматривала создание международных механизмов для быстрого конфиденциального обмена информацией по предполагаемым фактам распространения и, самое главное, совместные действия по пресечению транспортировки грузов с оружием массового уничтожения. Однако инициатива США не получила поддержки в мире. Да и сами Соединенные Штаты Америки ничего не сделали для реализации этой инициативы.

Почему, казалось бы, важная инициатива не получила поддержки мирового сообщества? Ответ очевиден. У существующей ныне системы ядерного нераспространения имеются серьезные разногласия и противоречия. Так, несмотря на постоянно сохраняющуюся актуальность ядерного вопроса, в том числе в связи с борьбой с терроризмом, сегодня точных данных о количестве ядерных держав в мире нет. Отсутствие достоверной информации, наряду с проводимыми многими государствами исследованиями в области ядерных программ, создает определенные рамки для существующего миропорядка и развития системы международных отношений, – пишет «Белорусская деловая газета»³.

Система ядерного нераспространения ООН не позволяет точно оценить ни количество государств, ни объемы ядерного вооружения в мире. С уверенностью можно отметить на карте пять признанных ядерных держав, которые одновременно являются членами Совета Безопасности ООН. Это – США, Россия, Великобритания, Франция, Китай. По оценкам специалистов американского Совета по защите природных ресурсов, у этих государств имеется около 19500–20000 ядерных боеголовок⁴. Кроме указанной пятерки из Совета безопасности ООН, к «ядерному клубу» официально принадлежат Индия и Пакистан. Индия провела первые испытания в 1974 г. В мае 1998 г. обе страны провели подземные испытания, вызвав в мире волну опасений по поводу возможного развития ситуации вокруг Кашмира и начала гонки вооружений между двумя государствами. Но оценить ядерные резервы этих государств крайне сложно. По оценкам специалистов, общие запасы ядерного оружия двух стран в 2002 г. составляли от 54 до 142 боеголовок. При этом Индия значительно опережала Пакистан по уровню оснащенности таким оружием.

Остальные государства официально не обладают ядерным вооружением. Эти страны либо свернули ядерные программы, как ЮАР, которая получила в 1980-е гг. 6–8 боеголовок, но в начале 1990-х гг. объявила об их уничтожении, присоединившись к Договору о нераспространении, либо не проводили испытаний. Среди таких государств особняком стоит группа «подозреваемых». В первую очередь, к ней относятся те страны, которые не подписали или вышли из Договора о нераспространении ядерного оружия. Сюда же, кстати, в свое время относили и Пакистан с Индией.

По мнению представителей МАГАТЭ, Израиль способен разработать (если уже не разработал) и развернуть систему ядерных вооружений. По некоторым данным, Израиль уже сегодня может обладать от 100 до 200 боеголовок. Однако пока израильская администрация официально не заявит и не предъявит ядерного вооружения, к группе «ядерных» эта страна не относится. В названный список входит также Иран, который, несмотря на многочисленные обвинения со стороны США, продолжает утверждать, что не имеет намерений использовать атом в военных целях. Интересно, что в некоторых источниках Украина также названа среди «подозреваемых». Весной 2004 г. украинские власти подтвердили, что при перевозке ядерного вооружения в Россию нигде не были учтены несколько сотен списанных ракет.

Все эти факты, на наш взгляд, свидетельствуют о слабостях Договора о нераспространении, о слабом контроле со стороны мирового сообщества за производством и распространением ядерного оружия, в первую очередь в тех государствах, которые не имеют права этого делать. Подчеркнем, что Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г. четко разделил все ядерные и потенциально ядерные державы на легитимные, т.е. по праву владеющие ядерным оружием (СССР, США, Англия, Франция, Китай), и все остальные, которые не легитимны и не имеют права создавать свое ядерное оружие.

К началу 1990-х гг. процесс нераспространения ядерного оружия достиг определенных успехов. Около 40 новых стран вступило в ДНЯО. В 1995 г. он получил бессрочное продление. Шесть государств отказались от военных ядерных программ и даже от получения ранее объявленного ядерного вооружения (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Украина, Белоруссия, Казахстан). Но, к сожалению, эти успехи лишь частично были обусловлены эффективностью Договора и политики нераспространения ведущих держав. В гораздо большей мере названные успехи объяснялись иными, зачастую чисто внутренними причинами. Процесс распространения ядерного оружия продолжался, а с конца 1990-х гг. ускорился, продвигаясь скорее по принципу «шаг назад – два шага вперед», нежели по классической обратной формуле⁵.

Почему это происходило? Причины этого отката назад, на наш взгляд, связаны, прежде всего, с перемещением международной конфликтности на региональный уровень, с ослаблением контроля над событиями и степенью вовлеченности в региональные дела сверхдержав, которые после окончания холодной войны перестали воспринимать любой локальный кризис как пробу сил в глобальном соперничестве между собой. Способствует этому и расширение круга источников информации, специалистов, технологий и материалов в сфере мирного и военного использования ядерной энергии. В большей мере процесс распространения подстегивается политикой США и их соратников, в основе которой – ориентация на одностороннее применение военной силы. С курсом Вашингтона, направленным на демонтаж советского режима и процесс центрального ядерного разоружения, на усиление опоры на ядерное оружие в обеспечении своих собственных национальных интересов, неохотно соглашалась после многочисленных протестов и ослабленная ельцинская Россия.

Кроме того, многие российские аналитики находят просчеты и нестыковки в самом Договоре о нераспространении ядерного оружия. Так, противоречия обнаружены в связанных с ним соглашениях, институтах и механизмах согласования интересов и деятельности государств (в частности, МАГАТЭ, Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Вассенарские договоренности). А.Г. Арбатов пишет: «В основу режима ДНЯО как бы по умолчанию была заложена предпосылка, что создание ядерного оружия может быть производной функцией, как бы побочным продуктом развития мирной ядерной энергетики и науки. Но на самом деле, за исключением, может быть, Бразилии и Аргентины, которые продвигались в этой области, не имея четкого представления о своих конечных целях, все другие страны изначально вполне ясно осознавали и осознают, какое использование ядерной энергии – мирное или военное – им в конечном счете нужно».

«Если мирное, то даже достижение высочайшего научно-технического и промышленного уровня развития в этой области и значительная свобода в распоряжении ядерными материалами и их переработке не создавали у них соблазна произвести

ядерное оружие (ФРГ, Италия, Швеция, Япония, Южная Корея, Канада и др.). Если военное, то они стремились к нему целенаправленно, а не «заодно» с мирным развитием ядерной энергетики. Их мотивами было не получение экономических благ, а задачи совершенно иного порядка, и потому обещание экономических выгод в награду за отказ от ядерного оружия, воплощенный в основополагающей концепции ДНЯО, было слабым рычагом влияния на их политику»⁶, – подчеркивает А.Г. Арбатов.

Некоторые из вышеуказанных стран (Израиль, Индия, Пакистан) «честно» не присоединились к ДНЯО. Другие (Ирак, Иран, КНДР, Ливия и, возможно, ряд других государств) стали членами Договора в качестве политического прикрытия для своих программ и обретения облегченного доступа к информации, специалистам, технологиям и материалам. Контроль МАГАТЭ оказался недостаточным для предотвращения ведения военных ядерных программ параллельно с мирными и «перекачки» технологий, материалов и специалистов из мирных в военные проекты. Подписание этими странами Протокола к Договору от 1997 г., предусматривающего возможность проверки МАГАТЭ практически на любом объекте стран-получателей, затрудняло такие нарушения, но не полностью предотвращало их. Ради интересов приобщения к ядерному оружию эти страны готовы при необходимости открыто выйти из ДНЯО, как это не раз делала КНДР, предварительно воспользовавшись его материальными плодами для продвижения военных программ. Более того, как показал опыт КНДР, подобный шаг не только не повлек больших санкций, но стал эффективным средством шантажа мирового сообщества и козырем для получения каких-либо экономических или политических уступок от других государств.

Кроме того, по мнению профессора А.Г. Арбатова, фундаментальный просчет концепции и режима ДНЯО состоит в том, что соотношение заинтересованности стран-доноров и стран-получателей материалов и технологий мирной ядерной энергетики было оценено неправильно. Предполагалось, что стремление реципиентов к «мирному атому» будет столь сильным, что позволит донорам взамен иметь их проверяемые обязательства не создавать ядерное оружие. Однако на практике получилось иначе: мировой рынок ядерных материалов и технологий, сулящий миллиардные прибыли, стал ареной жестокой конкуренции не импортеров, а экспортеров. Контроль МАГАТЭ, основанный на принципе добровольно заключенных соглашений об инспекциях и системе мониторинга с государствами-импортерами, был явно недостаточен до подписания Протокола к Договору от 1997 г. об инспекциях без права отказа. Кроме того, расширение ядерного «черного рынка» (нелегальных тайных поставок материалов и технологий) умножает возможности приобретения за рамками режима ДНЯО и его механизмов того, что необходимо для создания ядерного оружия (а в перспективе, возможно, даже ядерных боеприпасов)⁷.

Слабое звено ДНЯО заключается и в том, что в нем нераспространение ядерного оружия трактуется как высший приоритет международной безопасности, наряду с ядерным разоружением. На деле же этот приоритет занимает далеко не одинаковое место в повестке национальной безопасности разных держав, он сейчас стоит гораздо выше у США, чем у России, западноевропейских поставщиков или КНР, не говоря уже о новых экспортерах (Пакистан, Индия). Далее, как указывалось, в настоящее время увязка ядерного нераспространения с разоружением практически полностью разорвана ведущими ядерными державами-экспортерами.

И еще одна причина слабости Договора. Помимо нераспространения, как отмечают многие аналитики, сегодня у ведущих ядерных держав имеются другие, зачастую более важные внешнеполитические интересы. Так, для США поддержка Израиля важнее, чем вред от его ядерной программы для режима нераспространения, тем более что они не желают давать Тель-Авиву твердых гарантий безопасности по типу Североатлантического договора. Для России экономические и политические выгоды от сотрудничества с Индией и Ираном тоже более ощутимы, чем нераспространение, как и для США в отношении Пакистана. Россию, Китай, Японию и Южную Корею беспокоит декларируемое намерение КНДР создать свое ядерное оружие, но не настолько, чтобы согласиться на военную акцию США с непредсказуемыми последствиями, особенно после опыта войны в Ираке в 2003 г.

Следовательно, дальнейшее ядерное распространение весьма вероятно. Опасность этого процесса не только в том, что с ростом числа конфликтующих государств применение ядерного оружия станет более вероятным. Проблема серьезнее: большинство новых стран-обладательниц ядерного оружия, в том числе КНДР, не будет иметь достаточно жизнеспособных систем базирования носителей, надежных систем предупреждения о нападении и систем управления. Внутриполитическая ситуация в этих странах зачастую неустойчива, велика вероятность гражданских войн и переворотов. Риск первого или упреждающего удара, а также несанкционированного применения со стороны этих государств ядерного оружия будет гораздо выше.

И еще одно немаловажное и тревожное обстоятельство, которое вытекает из просчетов и неэффективности Договора о нераспространении. Речь идет о том, что в настоящее время резко возросла вероятность попадания ядерных материалов или готовых боеприпасов из новых ядерных стран в руки террористических организаций. Это возможно в силу специфики внешней политики и внутриполитической ситуации таких стран, коррупции в гражданских и военных органах, неэффективности служб безопасности и средств охраны и контроля над ядерными вооружениями и радиоактивными материалами. Все эти тревожные обстоятельства свидетельствуют о кризисе нераспространения ядерного оружия, о росте угрозы его применения по мере расширения круга стран-обладательниц такого оружия. Сдерживание гонки вооружения становится все более неопределенным, неустойчивым и противоречивым. Следовательно, сегодня Договор объективно не способен сдерживать ядерные амбиции некоторых государств, в том числе и Северной Кореи.

Как подчеркивают многие эксперты по ядерной безопасности, денонсировать Договор нет смысла. Договор остается своего рода «памятником холодной войне», сдерживающее значение которого утрачено. Сегодня нужен новый, более эффективный международный документ, запрещающий распространение ядерного оружия. А на практике необходим новый технологический уровень военной промышленности, который станет действенным сдерживающим фактором в распространении ядерных вооружений.

Проблемы, связанные с предотвращением распространения ядерного и иных видов оружия массового уничтожения, должны занять важное место в российской внешней политике. При этом необходимо преодолеть присущее политике России противоречие. С одной стороны, высшее политическое руководство страны неоднократно обоснованно подчеркивало, что распространение оружия массового уничтожения относится к числу наиболее опасных угроз национальной безопасности. Но, с другой стороны, в российской политике нет необходимой настойчивости и жесткости в отношении государств, уличенных в нарушении режима ядерного нераспространения. В частности, Россия пока не присоединилась к Инициативе по безопасности в области распространения. Российский МИД до октября 2006 г. негативно оценивал возможность обсуждения корейского «ядерного кризиса» в Совете Безопасности ООН и выдвинул предложение о так называемом «пакетном решении». Последнее фактически означает возвращение к Рамочному соглашению 1994 г., дополненному гарантиями безопасности КНДР. В заявлении ряда видных российских политических деятелей явно просматривается тезис о «равной ответственности» США и КНДР за нынешний кризис на Корейском полуострове. Утверждается, например, что выход Пхеньяна из ДНЯО был вызван американским заявлением о включении КНДР в «ось зла». Это, однако, не учитывает, что Северная Корея вела разработку ядерного оружия не только до, но и после заключения Рамочного соглашения, что Пхеньян признал в октябре 2002 г.

Такой подход к «ядерному кризису» на Корейском полуострове противоречит российским стратегическим установкам на укрепление роли ООН и ее Совета Безопасности. Исключение последнего из процесса урегулирования кризиса на Корейском полуострове серьезно подрывает его роль в обеспечении международной безопасности. Это, в свою очередь, ослабляет влияние России на мировую политику. Совет Безопасности ООН, постоянным членом которого Россия является, предоставляет России уникальную возможность участвовать в принятии ключевых международных

решений. Кроме того, пока вызывает сомнение способность России эффективно играть роль посредника между США и КНДР.

Предложение о «пакетном решении» пока не произвело впечатления ни в Северной Корее, ни в США. В Вашингтоне в качестве посредника видят прежде всего Китай, влияние которого на Пхеньян значительно сильнее, чем влияние России. Северокорейское руководство, в свою очередь, добивается прямых переговоров с США и вряд ли серьезно заинтересовано в посреднических услугах. Но, разумеется, в Пхеньяне хотели бы, чтобы Москва и далее противодействовала рассмотрению ситуации на Корейском полуострове в Совете Безопасности ООН или максимально смягчила возможную резолюцию Совета Безопасности, если там все же будет рассмотрено обращение МАГАТЭ о нарушении КНДР Договора о нераспространении.

Еще сложнее обстоит дело с российско-иранским сотрудничеством в ядерной области. Как уже отмечалось выше, иранским ученым удалось обогатить уран до уровня 4,8 %. Об этом официально объявлено в Тегеране. В то же время вице-президент Ирана Голямрез Ага-заде подчеркнул, что Иран не планирует обогащать уран выше 5 %, поскольку этого уровня достаточно для производства ядерного топлива атомных электростанций. Мировое сообщество, прежде всего Соединенные Штаты, выражают опасение по поводу этого⁸.

Несмотря на свидетельства стремления Ирана создать ядерное оружие, Министерство РФ по атомной энергии настойчиво добивается продолжения и расширения российско-иранского ядерного сотрудничества. Сторонники его развития обосновывают его необходимость тем, что оно позволяет контролировать развитие иранской ядерной программы, исключительно выгодно России с экономической точки зрения и не нарушает Договор о нераспространении⁹. Имеют место также высказывания о том, что американские требования о прекращении российско-иранского ядерного сотрудничества нацелены на то, чтобы вытеснить с иранского рынка российские компании и позволить американцам занять их место¹⁰.

Строя Бушерскую АЭС, Россия, действительно, не нарушает Договор о нераспространении ядерного оружия. Вопрос, однако, в том, насколько эффективно данный Договор предотвращает такое распространение. Строительство ядерных объектов в Араке и Натанце свидетельствует, что Россия, сотрудничая с Ираном по бушерскому проекту, не в состоянии «контролировать» действия Тегерана в ядерной области. В противном случае пришлось бы признать, что указанные объекты сооружаются с ведома России.

Сложнее обстоит дело с экономической целесообразностью ядерного сотрудничества с Ираном. За строительство АЭС в Бушере Минатом РФ и субподрядные организации и предприятия должны получить в целом около \$800 млн. Российская промышленность получает ежегодно примерно \$100 млн от реализации этого проекта. Это, безусловно, является важным для предприятий, вовлеченных в осуществление данного проекта. Но в целом, доход от этого проекта составляет менее 0,1 % процента ежегодной экспортной выручки России. При заключении контракта Иран выплатил России всего 5 % от стоимости проекта. Другие 85 % платежей должны быть произведены после отгрузки оборудования, а оставшиеся 10 % – по завершении проекта в целом. Это означает, что российские предприятия должны были искать кредиты для выполнения иранских заказов под достаточно высокие проценты¹¹. Неясно, сможет ли Иран оплатить строительство новых АЭС. Иранская экономика находится в тяжелом положении, а возможное снижение цен на нефть существенно уменьшит экспортные доходы страны. Нет уверенности, что российские банки смогут – а иностранные банки захотят – предоставить необходимые кредиты под приемлемые проценты.

В журнале «Россия и мир: экономика и внешняя политика» по этому поводу отмечается: «Возникло заметное объективное противоречие между фундаментальными интересами безопасности России, предполагающими необходимость пресечения распространения оружия массового уничтожения, и экономическими интересами атомной промышленности. Это предопределило противоречивость и непоследовательность российской позиции по конкретным вопросам нераспространения. Если эта

непоследовательность не будет преодолена, то эффективность российской политики в области нераспространения останется невысокой»¹².

Но вернемся к ядерному кризису в Корее. Анализируя возможные варианты развития событий на Корейском полуострове, нельзя не выделить мотивы дальнейших действий КНДР. Несомненно, развитие событий в этом регионе будет во многом зависеть от политики Пхеньяна. В условиях «асимметричного военного равновесия» создание ядерного оружия в КНДР невозможно объяснить потребностями сдерживания «агрессии с Юга» или со стороны США. Перспектива практически автоматического уничтожения Сеула в случае войны, независимо от ее конечного исхода, является надежной гарантией военной безопасности КНДР. Как мы уже отмечали, создание ядерного оружия рассматривается в Пхеньяне как инструмент политического и экономического шантажа, а также средство давления на США, Южную Корею, Японию.

Иницилируя ядерный кризис, Пхеньян, видимо, решил перехватить инициативу, спровоцировать напряженность и, учитывая вовлеченность США в подготовку санкций против Ирана, изменить ситуацию в свою пользу. Вместе с тем окончательного ответа на вопрос, какие конкретные цели ставят в Пхеньяне, пока нет. Скорее всего, это попытка «ядерного шантажа», целью которой является увеличение экономической помощи и упрочение международно-политического положения в результате признания КНДР со стороны Соединенных Штатов и заключения с ними пакта о ненападении. Последнее существенно укрепит положение режима внутри страны, подвергающегося эрозии вследствие неспособности власти обеспечить население продовольствием и элементарными услугами. Пакт о ненападении может существенно усилить военно-политическое влияние КНДР в регионе, поскольку снизит уверенность Южной Кореи и Японии в надежности американских союзнических обязательств.

Неисключено также, что северокорейское руководство стремится воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств и де-факто утвердить себя в качестве государства, обладающего ядерным оружием, избежав при этом международных санкций, не говоря уже о более серьезных последствиях. Возможен и своего рода «промежуточный вариант». С одной стороны, Пхеньян стремится выторговать себе дополнительную экономическую и гуманитарную помощь. С другой – обеспечить возможность дальнейшего продолжения своей военной ядерной программы, воспользовавшись отсутствием международных инспекций, пока будет происходить урегулирование кризиса.

3 июля 2005 г. Центральное телеграфное агентство КНДР – ЦТАК – распространило следующее заявление: «Для урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове необходим не только отказ КНДР от ядерного оружия, но и ликвидация ядерной угрозы со стороны США. США уже ввели в Южную Корею ядерное оружие, что привело к замораживанию процесса денуклеаризации полуострова. Нынешняя администрация США рассматривает превентивные ядерные удары как составную часть своей политической доктрины, что вынуждает Северную Корею сохранять ядерное оружие в целях обеспечения самообороны. Таким образом, на Корейском полуострове возникло ядерное противостояние. Для осуществления безъядерного статуса Корейского полуострова необходима ликвидация ядерной угрозы со стороны США»¹³.

В октябре 2005 г. Северная Корея предложила Соединенным Штатам заключить пакт о ненападении, который одновременно предусматривал бы и отказ от использования ядерного оружия. Как считают в Пхеньяне, это позволило бы преодолеть острый кризис, возникший между двумя странами, и открыть путь к миру и стабильности на Дальнем Востоке¹⁴. Пхеньян предложил таким образом разрешить ситуацию, возникшую после отказа Северной Кореи соблюдать соглашения от 1994 г., согласно которым она обязывалась прекратить военные ядерные разработки. Сенсационное предложение поступило из Пекина (его озвучил посол КНДР в Китае Чо Чжин Су), выдержанное в духе политкорректности: администрация Дж. Буша, включившая КНДР в «ось зла», что предусматривает возможность нанесения превентивных ударов, несет угрозу «элементарным жизненным правам» северных корейцев, которые

не могут вести диалог с США под давлением. При этом на ключевой вопрос, располагает ли КНДР ядерным оружием, посол не ответил, элегантно «переведя стрелки» на Америку: «Если США представляет ядерную угрозу, то для нас было бы логичным принять контрмеры ...»¹⁵. Видимо, лидер Северной Кореи Ким Чен Ир не рассчитывал на столь солидарную позицию мирового сообщества по отношению к предпринятой им попытке ядерного шантажа и решил продолжить игру в более изысканной манере. Заявив о продолжении работ по программе создания ядерного оружия, власти КНДР, похоже, всерьез полагали, что Россия и Китай подыграют Пхеньяну. Надежды, однако, не оправдались¹⁶.

Вопросы распространения оружия массового поражения, наряду с проблемой международного терроризма, – главные на сегодня болевые точки для всего цивилизованного мира. Попытки Пхеньяна «поиграть» в ядерное противостояние ничего, кроме неприкрытого раздражения, вызвать не могут. На саммите лидеров АТЭС Россия и Китай поддержали подготовленное по инициативе США заявление по Северной Корее. В нем, в частности, Пхеньяну настоятельно рекомендовали выполнять свои обязательства об отказе от программы производства ядерного оружия.

Таким образом, различные варианты разрешения северокорейской ядерной проблемы пока не приблизили мир к стабильности, к безъядерному статусу Корейского полуострова. Угроза этого ядерного конфликта остается, более того, она еще больше усугубляется. Процесс мирного урегулирования ядерного кризиса на полуострове зашел в тупик, выбраться из которого будет чрезвычайно трудно.

¹ *Гасымов М.* Каспийская игра в российском исполнении // Азербайджанские известия. 18.05.2007. № 463; <http://azerizv.az>

² <http://www.uhahan.ru>

³ См.: *Белорусская* деловая газета. 2005. 15 февр.

⁴ Там же.

⁵ *Арбатов А.Г.* Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня» // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же.

⁸ *Военные вызовы каспийского региона.* Аналитика. 20 ноября 2006 г. // <http://www.c-asia.org>

⁹ См.: *Россия и мир: экономика и внешняя политика.* Ч. 2. 2004. С. 14–16
<http://www.psifoundation.ru>

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 16.

¹³ *Материалы* сайта «Океан Россия», 03.06.2005 // <http://www.ros-sea.ru>

¹⁴ *Итоги.ru.* 2005. 9 нояб.; <http://www.itogi.ru>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.